

РУССО И КАНТ О РЕЛИГИОЗНЫХ ИСТИНАХ

Статья является продолжением¹ анализа автором религиозных поисков Ж.-Ж. Руссо и И. Канта. Если в первой части большее внимание обращено на единство убеждений философов в том, что существующая церковь не является Божьим творением, то здесь показано, что моральное основание религиозной веры, обнаруженное Ж.-Ж. Руссо, вывело И. Канта на иной путь – путь описания всего многообразия человеческих чувств.

Сегодня, когда ломаются копыта вокруг идейного наследия великих философов, когда каждая школа или идейное направление стремятся выставить себя единственными наследниками их достижений, дать объективную характеристику философско-теологическим концепциям Ж.-Ж. Руссо и И. Канта – веление времени. Конечно, если не перелицовывать историческую реальность, а строго ее придерживаться, то очевидно, что оба мыслителя никогда не претендовали на роль создателей новой разновидности христианского вероучения. По крайней мере, интересы церкви и священнослужителей они не защищали. Общеизвестно, что оба философа за свое крамольное видение религии подверглись гонениям, развязанным официальным клиром как протестантской, так и католической церкви. Швейцарского мыслителя подвергли остракизму; ему не позволили даже жить на родной земле. Он был вынужден бежать из Швейцарии и скитаться по всей Европе. «Что случилось бы со мной... – с горечью вопрошает Ж.-Ж. Руссо, – если бы, оставшись без приюта, где бы я мог укрыться от своих неумолимых преследователей, без возмещения за бесчестье, которому они подвергают меня в этом мире и без надежды добиться когда-либо должного правосудия...» [1; 592], не сохранил самообладания? На стороне философа в этой неравной борьбе оказались только черты характера незаурядной личности, которые сформировались у него в горниле скитальческой жизни. Спонтанно проявившись в нужный момент, они помогли изгнаннику успешно преодолеть свалившиеся на него несчастья и отстоять свое доброе имя. Как отмечает он сам, выдержать возникавшие перед ним трудности ему уда-

лось вследствие постоянной готовности к ударам судьбы и неуклонному следованию избранным принципам. Твердость характера, критическое отношение к себе и высокая стрессоустойчивость обеспечили должную работоспособность и сохранение творческого горения.

Не лучшая участь постигла и немецкого мыслителя. После смерти Фридриха II к власти в Пруссии пришел новый король. С его приходом ситуация в стране в корне изменилась. У руководства королевством произошла смена внутривластных ориентиров. Отношение к кантовской философско-теологической концепции тоже сменилось с вообще-то лояльного на противоположное. По наущению тогдашнего главы церковного ведомства Вельнера к философу применили жесткие административные санкции. 12 октября 1794 года творцу великих «Критик...» вручили указ короля Фридриха Вильгельма, запрещающий читать лекции по теологическим вопросам на богословском и философском факультетах. В этом же документе ему категорически предписывалось никогда и ничего больше не писать на религиозные темы. Запреты коснулись и уже созданных трудов. Как указывает Куно Фишер (пожалуй, самый крупный исследователь творчества И. Канта), «все преподаватели богословия и философии в Кенигсбергском университете были обязаны подпиской не читать ничего о кантовской философии религии» [2; 76]. Картина будет еще более полной, если вспомнить, что сочинения основателя немецкой классической философии, затрагивающие религиозные догмы, были внесены в список запрещенных книг, составленный и утвержденный Римской курией. В ре-

¹ Шмелев В.Д. РЕЛИГИОЗНЫЙ ПОИСК РАННЕГО И. КАНТА И Ж.-Ж. РУССО / Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – №11. – С. 129-135.

зультате всех этих злокозненных интриг положение немецкого философа превратилось в угрожающе-критическое. Он был вынужден подчиниться королевскому указу и прекратить на время афиширование собственных взглядов на священные истины.

Крупные расхождения с богословами имели объективную причину. Дело в том, что Ж.-Ж. Руссо и И. Кант не считали существующую церковь Божьим творением. Это учреждение, с их точки зрения, вовсе не дар посланника Бога на земле – Иисуса Христа, как уверяют нас христианские богословы. И католическая, и греческая, и протестантская церкви сотворены не Высшим Существом и потусторонними силами, а созданы обычными людьми, правда, одетыми в рясы и хитоны. От первоначального христианства все эти конфессии максимально удалены. Появившееся в Древнем Риме учение И. Христа из Назарет неслось в себе идеальный образец праведного поведения. Приверженцы его (члены разбросанных по стране небольших сект) упорно, иногда даже ценой собственной жизни, отстаивали заповеди Спасителя, кратко изложенные в Нагорной проповеди. Как широкое идейное течение христианство оформилось, по мнению Ж.-Ж. Руссо, на развалинах Римской империи. В первые годы существования в своем новом статусе оно не имело каких бы то ни было материальных культовых приделков. Эта религия была «всецело духовная, занятая исключительно делами небесными; отечество христианина не от мира сего» [3; 318]. Ее предназначение заключалось в том, чтобы мятушимся людям, которые оказались в непривычной, кризисной ситуации (когда рушились все прежние устои бытия), сообщить душевное спокойствие. Ни в какие гражданские дела она не вмешивалась; в регуляции общественно-политических событий активно не участвовала. К сожалению, продолжалось это недолго.

В результате сокрытых от глаз метаморфоз, отмечает швейцарский философ, свершилось поистине чудесное перевоплощение. На смену первичной форме христианства пришли греческая, католическая, а затем и протестантская церкви. Они стали претендо-

вать и претендуют донныне на статус Христа детища. Однако появление этих материальных культов и многочисленной армии служителей диктовалось уже другими историческими потребностями. В европейских государствах на смену царившему хаосу шло постепенное усиление абсолютистской королевской власти. Оно-то и вызвало нежелательные перемены. Препрежнее христианство утратило былой облик и трансформировалось в вотчину первосвященника. Бывшая религия духа буквально растаяла в социальном тумане. Небесную духовную страну новоиспеченная церковь «неизвестно как превратила в земную» [3; 319]. Этот земной священный институт отстаивал в культовой практике уже иные духовные ценности. Его святые отцы стали внушать верующим искаженные, ложные догмы. Взамен Христовых истин здесь правили бал человеческие предрассудки, суеверия, мистика и прочие заблуждения нашего рассудка, замешанные на грубом невежестве. Со всей наглядностью это проявилось в эпоху Крестовых походов и активной деятельности церковной инквизиции. Вместо любви и смирения христиане начертали на своих знаменах ненависть и презрение к другим народам, и ко всем тем, кто придерживался другой веры. Христианство переродилось в идеологическую опору тирании. Этому способствовал, по мнению Жан-Жака Руссо, сам характер первоначальной формы христианства, как религии послушания и рабства, склоняющейся перед силой.

У раннего И. Канта нет столь красочного описания генезиса христианской религии, которое наличествует в произведениях Ж.-Ж. Руссо. Возможно, он не видел в этом острой необходимости. Тем не менее, в его трудах все же присутствуют отдельные существенные штрихи с этой картины. Они свидетельствуют, что И. Кант в полной мере разделяет суждения видного идеолога Великой Французской революции о перерождении первоначальной духовной религии. Так, к примеру, как и создатель «Эмилия...», автор знаменитых «Критик...» считает, что в эпоху Средневековья «религия вместе с науками и нравами была извращена... жалкими гримасами» [4; 182]. Подобно великому

швейцарцу, он задается вопросом: «Как же из роскоши становится в конце концов необходимой гражданская религия, а также религиозное принуждение?..» [4; 199]. Аналогичные с Ж.-Ж. Руссо высказывания встречаются у него о роли Крестовых походов, о порочности монашества и т. д. Но, пожалуй, самое важное, что роднит обоих мыслителей, состоит в признании официальных религиозных доктрин не соответствующими подлинному духу христианства и провозглашаемому символу веры. Ж.-Ж. Руссо и И. Кант постоянно говорят об этом в своих сочинениях. Так, немецкий философ в работах 60-х годов неоднократно подчеркивает, что существующие конфессии полны негативными «чрезмерностями». Последние представляют собой извращенные продукты человеческой психики. Они возникли в сознании людей под воздействием неблагоприятных социальных факторов. Вслед за Ж.-Ж. Руссо И. Кант подробно характеризует психические состояния легковерия, суеверия, фанатизма, индифферентности, превалирующие у значительной части верующих и в головах теологов.

Описывая «чрезмерные» феномены религиозной веры, которые нередко бытуют в культовых отправлениях, кенигсбергский затворник выделяет в особую строку фанатические представления. Фанатизм, по его мнению, является самым страшным духовным образованием нашей чувственности и мышления. «Человеческая природа, – пишет И. Кант, – не знает более опасного наваждения» [4; 236]. Оно возносит индивидуума к самым крайностям – одних на вершины абсолютной власти, а других на эшафот. В своем произведении «Опыт о болезнях головы» философ ставит фанатизм в один ряд с другими тяжелыми психическими заболеваниями, встречающимися у людей чаще всего в стрессовых обстоятельствах жизни. К ним он относит: «во-первых, извращение приобретенных опытом понятий при *помешательстве* (*Vernckung*), во-вторых, расстройство способности суждения, прежде всего в отношении опыта, при *сумасшествии* (*Wahnsinn*), и, в-третьих, расстройство разума в отношении более общих суждений при *безумии* (*Wahnwitz*)» [4; 233].

Наличие в проповеднической деятельности церкви столь неприличного соседства, когда, с одной стороны, преподносятся высокие божественные истины, а с другой, сами глашатаи заражены фанатизмом и находятся почти в том же состоянии, что безумцы и сумасшедшие, говорит о многом. Это, по И. Канту, явный знак того, что церковная служба Богу может нести не только благо, но и огромное зло для религиозной общины. По крайней мере, такая рядоположенность в культовой практике бросает тень на святые воззрения, таит в своих глубинах возможность неадекватных и непристойных поступков. Даже тогда, когда проповедник слова Христова отдает все свои силы и здоровье защите религиозных ценностей, но одержим фанатизмом, он может принести простым людям безмерные страдания и бедствия. Ведь подобное «служение» Господу навязывает мирянам заведомую слепоту в выборе векторов поведения. Безропотно следуя за фанатичными пастырями, они неизбежно попадают в тенета неистового клерикализма. А это чаще обычного чревато их бесславной гибелью. И при благоприятном исходе подобный симбиоз весьма далек от нравственных посылов христианского гуманизма. Хотя в этом случае трагедии, к счастью, не происходит, зато каждый участник данного культа превращается в пешку, в слепое безжалостное орудие защиты чьих-то своекорыстных интересов. Служители церкви, внушающие пастве отягощенное «чрезмерностями» христианство, невольно оказываются в одной компании с умалишенными.

Заключение о непригодности распространенных в обществе церковных отпращиваний, общее для Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, в определенной степени было данью воззрениям Ф.М. Вольтера. Именно ему, предвестнику наступающей революции, принадлежит пальма первенства в развенчании культовой практики и религиозных догм, предлагаемых официальными богословами. Основоположник французского Просвещения провел истинно титаническую работу в этом направлении. Он появился на поприще идейной борьбы с обширной программой перестройки господствующих священных учреждений.

С одной стороны, его программа включала жесткую критику разнообразных культовых действий и традиционной теологии. Мыслитель довольно настойчиво призывал церковные элиты прекратить оболванивание верующих путем фальсификации Христовых истин. Его перо безжалостно бичевало порочность инквизиции и беспутную жизнь Грибурдонов церкви. С другой стороны, в программе содержался четкий абрис очищенного варианта религиозной веры. Новая форма вероисповедания была обнародована в «Кандиде...» под маской безымянной религии Эльдорадо. Носителем ее объявлялся никому неизвестный народ, затерянный в высоких горах, где никогда не ступала нога иноземного человека. Как это напоминает придуманный Томасом Мором остров Утопию, прямо-таки его материковый двойник. В эльдорадской религии отсутствуют какие-либо признаки особых культовых учреждений с их руководителями, а также какой бы то ни было идейный сакраментальный материал, подобный библейским стихам и притчам. Ежедневное служение Господу почти совпадает с культовыми отправлениями в «Городе Солнца» Томмазо Кампанеллы. Разумеется, все это превращало предложенную конфессию в простое пожелание самого Ф.М. Вольтера, в недостижимую мечту, в абстрактный призыв к перемене формы общения с Всевышним. Поколебать устои католического и протестантского культа такого рода религия явно не могла.

Ж.-Ж. Руссо и И. Кант в своей критике действий священнослужителей, вне всяких сомнений, следовали в русле идей выдающегося просветителя. Критические стрелы, пущенные французским вольнодумцем в адрес церкви, они рассматривают как справедливые и своевременные. Оба философа встречают их благосклонно и всячески поддерживают. По сути дела, они двигаются в том же самом фарватере, что и великий француз, и мало в чем отклонились от предложенного им курса. Можно смело утверждать, что разоблачение мыслителями пороков церковного богослужения является логическим продолжением борьбы с религиозным обскурантизмом прославленного творца «Магоме-

та...». Что же касается содержания критики, то здесь ученики явно превзошли своего учителя и сделали гигантский шаг вперед. Во-первых, для них объектом критической оценки становятся не внешние проявления жизни в Боге, а кардинальные, узловые моменты христианского мировоззрения. Внимание мыслителей фокусируется на трактовке феномена веры, сущности Бога и характера Его связи с верующим человеком. Разрешение этих животрепещущих проблем отвечало на духовные запросы тогдашнего населения Европы и вызывало в обществе живой интерес. Во-вторых, их критика была более обстоятельной и объективной, так как базировалась на богатейшем фактическом материале из повседневной жизни широких кругов народа: крестьян, плебеев, представителей средних слоев, различных государственных деятелей, включая коронованных особ. В ней отсутствовали злопыхательские черты обструкции религиозных верований. Как следствие, она явилась не голым, зряшным отрицанием и не строительством утопий, а конструктивной модернизацией христианской теологии. Критические суждения Ж.-Ж. Руссо и И. Канта как нельзя лучше выразили вековые чаяния «немного» большинства общества. И тот и другой предложили просвещенному люду качественно иное, оригинальное объяснение христианской догматики и культовых действий.

Новая интерпретация сакральных истин стала результатом длительной подготовительной работы, в ходе которой каждый мыслитель не только расчищал авгиевы конюшни действующих религиозных доктрин, но и нарабатывал свои подходы, методы и средства, используемые при создании собственных философско-теологических учений. Задача, которую они поставили перед собой, не имела еще исторических аналогов в предшествующей литературе. Надлежало представить религию в таком виде, чтобы она отвечала реальным нуждам и запросам обычных людей, а не была духовным орудием человеческого унижения и порабощения. Следовало так преобразовать ее незыблемые догматы, чтобы они получили понятный и естественный вид. Те компоненты теологи-

ческой картины мира, которые не отвечали данному требованию и не вписывались в задуманную систему воззрений, были безжалостно отсечены. Оба философа, как это явствует из их трудов, стремились свести к минимуму разросшееся теологическое древо.

Говоря об этом ракурсе теологических исканий Ж.-Ж. Руссо и И. Канта, уместно отметить, что во второй половине XX века на Западе наблюдается прямо противоположная тенденция. Некоторые исследователи (в Германии, США и ряде других стран) попытались расширить объем кантовской этикотеологии. На свет появились «Лекции по этике» (переведены на русский язык и изданы в Москве в 2000 году), в которых подробно излагаются многие богословские категории. Среди них: разнообразные версии христианского вероучения, проблемы структуры и направленности культа, трактовка молитвы, благодати и т. п. Из всего этого материала (полученного, как утверждают авторы, в результате обработки сохранившихся конспектов у некоторых бывших студентов Кенигсбергского университета) следуют существенные коррективы кантовской философско-теологической концепции. Оказывается, что то, что было известно о ней из «Критики практического разума» и других печатных источников, есть всего лишь верхушка айсберга, – часть критическая, а не конструктивная. Зато «Лекции...» дают полное, исчерпывающее описание кантовского видения религии. И не беда, что в результате этой операции И. Кант превращается из борца с религиозными предрассудками в простого критика устаревшей формы богословия и в активного разработчика новейшей протестантской теологии. Эти последствия стараются не афишировать. Думается, такое вольное обращение с наследием великого критика не совсем корректно.

Ведь в конце XIX и в начале XX века многие немецкие интерпретаторы кантовской этикотеологии совершенно искренне выражали сожаление, что философ мало уделял внимания конкретным особенностям официального богословия. Больше всего сетовали по поводу того, что само учение И. Христа получило недостаточное раскрытие

в его сочинениях. См. об этом, например, Форлендер К. История происхождения и общая характеристика книги Канта: Вступ. ст. // И. Кант. Религия в пределах только разума. СПб., 1908. С. VI-VII.

На наш взгляд, надо осторожнее подходить к материалам «Лекций...», так как они могут увести нас в сторону от истины. Сам И. Кант никогда не публиковал этого произведения. Да и чьи идеи он излагал здесь (свои или заимствованные у других ученых), требует тщательного изучения и разграничения.

Центральным конструктом своих теологических построений Ж.-Ж. Руссо и И. Кант избирают фигуру Бога. Постичь функции Создателя мира в регулировании человеческого познания, конкретного межличностного общения и деятельности, – вот на что направлен их религиозный поиск. Все иные заметные персоны христианского богословия: И. Христос, Святой Дух, ангелы, архангелы, херувимы и т. д. – сознательно или бессознательно (нам не дано понять) вообще выпали из их поля зрения. Если этих образов мыслители и касались, то только вскользь и по малозначащим проблемам. Обращение к понятию Бога и отказ от подробного анализа других персонажей теологических доктрин диктовались, по-видимому, статусом этой категории в системе религиозных представлений. Образ Вседержителя является ядром любого вероучения, скрепляющей основой, которая поддерживает всю остальную достаточно громоздкую конструкцию. Если в религиозном строительстве этот ведущий элемент игнорировать, то будет трудно рассчитывать на успех. А потянув за это звено, как выражался известный классик российской политики, можно без больших затруднений вытянуть всю цепь. Успешное решение поставленной проблемы действительно открывает перед исследователем богатейшие возможности. Он может заглянуть в труднодоступные области людских верований и постичь общественное предназначение религии. Следует подчеркнуть, что путь исследования природы Бога, равно как и используемые при этом орудия и приемы, каждый философ предложил свои.

Ж.-Ж. Руссо призывал заглянуть далеко назад, в эпоху зарождения человеческой жизни. По его мнению, для обнаружения подлинной веры и истинного характера нашей связи с Богом следует взять за отправной пункт естественное бытие людей, сложившееся после сотворения Всевышним земной ойкумены и всех ее чудес. В результате акта творения на земле появилась самая ранняя форма общения смертных с Творцом мира. Это произошло в давние времена, когда еще не было всемирного потопа и чудесного спасения живых существ на Ноевом ковчеге. Вера людей была простой и естественной. Связь с Верховным Существом представляла в незамутненном, чистом виде. Она, подчеркивает философ, не отягощалась пороками цивилизации, образовавшимися в последующей истории и существенно искажившими ее первоначальный лик. Понять и воспроизвести эти истинные отношения людей с Создателем вселенной, а затем перенести их в культовые отправления современного цивилизованного общества – вот та сверхзадача, которую должна разрешить философская мысль. Для этого не нужно погружаться в болото мистики и обскурантизма. Процедура общения жаждущих Бога сердец с Небесным Покровителем была определена Им уже в момент творения.

«Проницательный швейцарец» (именно так называл Ж.-Ж. Руссо И. Кант. – В. Ш.) далек от мысли, что для восстановления утраченного облика веры люди призваны вернуться в тот золотой век, когда на земле царила пастушеская идиллия. Он прекрасно понимает, что прошлого не вернуть, что это духовные грезы, а вот перестроить религиозную практику в соответствии с девственными нормами вполне осуществимо. Для этого нужно принять на вооружение содержание той благодати, которую Отец небесный излил на сотворенного индивида. Ведь «создав человека, – указывает французский философ, – Творец наделил его всеми способностями, необходимыми для совершения того, что Он требует от нас, и когда мы молимся Ему о даровании нам силы следовать по пути добра, мы просим лишь того, что Он уже дал нам» [5; 604]. В число даров Вер-

ховного Существа создатель «Эмиля...» включает две естественные ипостаси: доброе сердце и разум человека. Сердце с его чувствами и совестью позволяет нам любить добро, разум – сознать добро, а в своем единстве они предопределяют нашу свободу воли совершать добрые поступки.

Как видим, вера в Бога под пером Ж.-Ж. Руссо превращается в веру в моральные ценности, в добро, к достижению которого должны стремиться люди в своей жизни. Для этого Бог и подарил им доброе сердце с надежным камертоном – совестью, а также разум, чтобы не заблудиться в хитросплетениях нити судьбы, которая выпала на их долю. Естественное функционирование этих способностей обеспечивает каждому индивидууму добродетельное бытие и прочную связь с Господом. Если верующий строит повседневное поведение исходя из чистых побуждений своего сердца, то для него характерны высоконравственные поступки. Он достигает гармонии с Всевышним. Когда же его действиями заправляет замутненный разум и безответственные порывы сердца, тогда его поведение приобретает противоположное обличье. В этом случае, говоря словами христианских проповедников, совершается тяжкий грех, нарушается Божье волеизъявление, о чем постоянно напоминает христианину его совесть. Он не в состоянии благобно общаться с Творцом мира. Что касается каких-либо других религиозных регуляторов человеческой деятельности, появившихся в более поздний период и не связанных с сердцем и разумом, то они должны быть отправлены в небытие. Причем вопрос ставился ребром: коли изречения Священного Писания и мистические догмы не согласуются с результатами человеческого познания, абсолютно не доступны для понимания, то тем хуже для них – они должны быть элиминированы и заменены естественными свидетельствами Божьей силы, наблюдающимися в окружающей природной стихии.

Творец «Эмиля...» провозглашает моральный долг главным мерилем всех проявлений человеческого бытия. Владыка загробного царства требует его исполнения от каждого индивидуума. Чем строже земные жи-

тели выполняют веления долга, тем они ближе и роднее Небесному Отцу. Любовь и другие разнообразные эмоции и чувства, которые мотивируют мирские поступки, подчинены этому мерилу. С помощью художественных образов Эмиля, Софьи, Юлии и т. д. Ж.-Ж. Руссо очень красочно и, надо признать, довольно пространно, изображает, как в обыденной практике человеческого бытия сочетаются между собой земная любовь, совесть и долг, всегда пребывающие в нашем сердце. Философ убежден, что именно сердцем каждый из нас связывается с Богом. Разум лишь направляет чувства верующих в нужное русло, не позволяет им приобрести нежелательный, аморальный облик. Правда, чтобы качественно исполнять свою миссию, он должен сохранять чистоту, не засоряться ложными принципами и идеями. К тому же в обязанность этого высшего психического инструмента непременно входит еще одно важное действие – снабдить живущих и страждущих звездным ориентиром. Последний не дается носителям веры свыше и так, чтобы сразу и навсегда. Разум вырабатывает его, когда поднимается все выше и выше по лестнице постижения земных и небесных явлений. В конечной точке этого подъема люди обретают высшую цель, идеал добродетельного поведения. Этим идеалом является Бог – Первопричина всего существующего.

Чувства и разум в концепции Ж.-Ж. Руссо занимают разные ниши. Это – неравные способности. Да и сам философ, пожалуй, больше писатель и художник, чем мыслитель, что ярко отразилось в его творчестве. Для него предпочтительнее живые чувственные образы. Любую самую умную мысль великий швейцарец облачает в разноцветные покровы. Характеристика религиозных догматов тоже вплетена в ткань художественных произведений. Как правило, божественные установления раскрываются через субъективные переживания тех или иных литературных персонажей, чья прозаическая повседневная жизнь по преимуществу разворачивается в зоне действия доброго сердца. Причем все многоцветье изображаемого мира чувств и эмоций, по мнению Ж.-Ж. Руссо, самодостаточно. Любой, кто хочет по-

средством чувств обратиться к Всевышнему, не нуждается в чем-либо дополнительном. Философ проецирует это утверждение и на собственную деятельность. «Все теперешнее поколение, – с грустью констатирует он, – не видит в тех чувствах, которыми я живу (выделено мной. – В. Ш.), ничего, кроме ошибок и предрассудков, оно находит истинной, очевидной систему взглядов, противную моей; оно как будто даже не может поверить, что я держусь своей системы искренне; и сам я, предавшись ей всем своим существом, нахожу в ней непреодолимые трудности, которые я не в состоянии разрешить, но которые не мешают мне упорно держаться ее» [1; 593-594]. Подробно исследуя разнообразные ситуации, в которые попадают герои его книг, Ж.-Ж. Руссо не устает повторять, что если чувства человека имеют естественный вид и ничем не искажены, то он смело может вступать в общение с Верховным Творцом и надеяться на достойное вознаграждение. Если же в силу каких-либо причин чувственный мир индивида подвергнется деформации, то обо всех отступлениях от генеральной линии следования добру рано или поздно ему заявит его неусыпная совесть.

Повышенное внимание Ж.-Ж. Руссо к эмоциональной сфере человеческой психики вызывалось не только потребностями в реформировании официального богословия. Думается, не меньшую роль сыграло его противостояние с концепциями философов-просветителей. В общественном сознании Франции и других европейских стран в тот исторический момент наряду с церковными догмами уже совершенно на равных циркулировали светские воззрения о божественных предметах. Взгляды просветителей имели ярко выраженный антиклерикальный характер, доходя в самых крайних выражениях до воинствующего атеизма. Примечательной особенностью этих учений было то, что, начиная с Р. Декарта, каждое из них строилось на рационалистическом основании с помощью умозрительных суждений. Как раз «в противовес этому, – пишет немецкий историк философии В. Виндельбанд, – Руссо придал значение элементарной энергии человеческой природы. Евангелие, которое он про-

поведовал, было евангелием чувства» [6; 353]. Обращение прежде всего к моральным чувствам для объяснения религии позволило женеvesкому гражданину вскрыть самые узкие и слабые места в идейных построениях своих постоянных оппонентов.

Беспристрастный анализ рационалистических доктрин, пишет автор «Исповеди...», легко обнаруживает их ошибочность. Описание религии в терминах теоретической спекуляции не дает людям подлинной точки опоры в скоротечном бытии, а предлагает в качестве таковой бесплодные иллюзии. Так, когда мы превращаем продукцию разума в максимы деятельности, то, сами того не подозревая, ставим под сомнение достижение добродетели, требуемое Верховным Правителем. Абстрактные конструкции, созданные нашей умственной способностью, не идут ни в какое сравнение с моральными велениями. Они не обладают статусом абсолютности, так как подвержены постоянным изменениям. Поэтому люди, которые пытаются опереться на них, оказываются в незавидном положении. С апелляцией к разуму исчезает доверие к действительности моральных норм и утрачивается какая-либо надежда на лучшее будущее. Возведенное здание религии, которое прежде казалось самым устойчивым и прочным, вдруг начинает раскачиваться и давать трещины или даже рассыпаться как картонные домики. Почва под ногами из твердой превращается в сыпучую и зыбкую. На пути к добру возникают непреодолимые преграды. Все это, заявляет Ж.-Ж. Руссо, убеждает нас в том, что если разум делают своим поводырем, поднимают его на недосягаемую высоту и превращают в единственное основание безгрешной, добродетельной жизни, то совершают крупную ошибку. Поступать так абсолютно непозволительно, несмотря даже на то, что мы преследуем, казалось бы, естественные, благие цели. Ведь нашему поверхностному взгляду постоянно и упорно навязывается ложное представление: разум должен быть первым претендентом на создание истинных религиозных концепций. В этом его земное предназначение.

Немецкий философ приветствует выводы Ж.-Ж. Руссо о моральной природе рели-

гии. И с его точки зрения философско-теологические конструкции европейских просветителей не выдерживают критики. Сколько бы ни спорили эти философы, цельный Бог или триединый, сколько бы ни препарировали Творца в своих мыслях, чем, собственно, занималась схоластика на протяжении столетий, создать безупречную систему религиозных взглядов так и не сумели. Да и последующие деятели Просвещения, открывавшие все новые и новые атрибуты Владыки мира, а затем, исходя из этих атрибутов, доказывавшие Его реальное бытие, тоже не нашли приемлемого решения. С возвращенного ими дерева нельзя было собрать спелых плодов; их идеи ни на йоту не продвинули к постижению действительной сущности sacramентальных явлений. Всякое умозрительное познание Бога, заключает И. Кант, «как таковое, не достоверно и подвержено опасным заблуждениям» [4; 212]. Словом, какие бы утонченные и совершенные концепции Бога ни создавались – это путь в никуда, кроме дебрей мистики и фантастических химер.

Обнаружив моральное основание религиозной веры, Ж.-Ж. Руссо, отмечает И. Кант, не только сразил своих идейных противников, но и проторил дорогу к естественной трактовке религиозных образов. Он оказался первым, кто обнаружил предназначение людей в земном бытии. До этого открытия все мы блуждали во тьме. Великий швейцарец постиг «...глубоко скрытую природу человека и тот скрытый закон, согласно которому, по его наблюдениям, провидение находит свое обоснование» [4; 213]. Сохранять христианскую теологию в прежнем, традиционном виде после этого открытия стало невозможно. Ее объяснение религиозных наказаний и запретов через чудо и сверхъестественное, которое непременно приводит к нежелательным «чрезмерностям», предстало в негативном виде. Официальное богословие, подчеркивает немецкий мыслитель, строя общение с Всевышним на мистической основе, фактически закрывало естественный путь к достижению добродетели. Оно могло лишь принуждать верующих быть добродетельными через страх перед ужасными наказаниями в потустороннем мире. Однако

страх – не лучший советчик в наших повседневных делах. «Угроза вечного наказания, – пишет И. Кант, – не может быть непосредственным основанием для морально добрых поступков» [4; 194]. К тому же люди вполне могут обходиться при исполнении обычных обязанностей без религиозного стимула к прекрасной жизни в загробном царстве. Истинной верой людей является не вера в сверхъестественное Существо и его чудесные деяния, а моральная вера в добро, дарованная им Творцом мира. Об этом, собственно, и поведал впервые Ж.-Ж. Руссо.

После столь высокой оценки философско-теологической концепции французского философа было бы логично предположить, что немецкий мыслитель продолжит его дело на путях еще большего погружения в глубины моральных явлений. Но этого в ранний период кантовского исследования практической философии так и не произошло. Бо-

лее того, И. Кант заявил, что в своем осмыслении религиозных феноменов он пойдет в другом направлении. «Метод Руссо, – пишет немецкий исследователь, – синтетический, и исходит он из естественного человека; мой метод аналитический, и исхожу я из человека цивилизованного» [4; 192]. Для подтверждения данных слов немецкий философ уже в этот ранний период сделал первый шаг. Приняв за отправную точку самые высшие проявления цивилизованного чувственного мира – прекрасное и возвышенное, он подробно охарактеризовал все многообразие человеческих чувств. Это описание чувственной сферы наглядно продемонстрировало, что пути французского и немецкого реформатора теологических истин существенно разошлись. Обогащенный идеями Руссо, Кант отправился в собственное путешествие, открывая в христианской вере новые, неизведанные дали.

Список использованной литературы:

1. Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя // Ж. – Ж. Руссо. Избранные сочинения. В 3-х т. Т. 3.
2. Фишер К. История новой философии. В 4-х т. СПб., 1864. Т. 3.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1998.
4. Кант И. Соч. Т. 2. С. 182.
5. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. В 3-х т. М., 1961. Т. 2.
6. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2-х т. С. Петербург, 1913. Т. 1.